

Чувствительный абстракционист

«Пространство переживания»

Владимира Янкилевского

Коммерсантъ. — 2003. — 18 марта. — с. 22.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В московской галерее «Сэм Брук» открылась выставка Владимира Янкилевского «Пространство переживания». Экспозиция художника, некогда участвовавшего в исторической выставке авангардистов в Манеже и вместе с другими нонконформистами удостоившегося от Хрущева пресловутого эпитета «абстракцист и пидарас», закрывает проходивший в нескольких галереях фестиваль «Московская абстракция». Никита Сергеевич, считает ИРИНА КУЛИК, был не прав.

Формат фестивальной выставки обязывает к известной тенденциозности. В галерее «Сэм Брук» нет ни впечатляющих монументальных ассамбляжей Владимира Янкилевского с гиперреалистическими манекенами, втиснутыми в причудливой формы ящики, ни рельефов, ни фигуративных полотен с разнообразными монстрами и фигурами. Творчество Владимира Янкилевского с 60-х годов и по наши дни представлено только абстрактными работами, близкими не к супрематизму русского авангарда и не минимализму или абстрактному экспрессионизму 60-х, но к органической, граничащей с сюрреализмом абстракции Хоана Миро или позднего Кандинского. Вместе с Юло Соостером, ранним Ильей Кабаковым или Эрнстом Неизвестным Владимир Янкилевский представляет некий шестидесятнический

анахронический сюрреализм — утраченное звено отечественной истории искусства.

Как и в откровенно сюрреалистических полотнах Владимира Янкилевского, в его абстракциях, представленных в «Сэме Бруке», явно присутствует эротический подтекст, наиболее очевидно заданный одним из классических «Триптихов» 60-х, где, согласно толкованию самого художника, боковые части представляют мужское и женское начала, а центральное полотно является местом их встречи и взаимодействия. Изображенные на этих картинах пятна, ломаные контуры, кривые линии только прикидываются неодушевленными умозрительными формами — на самом деле это явно живые, органические создания, то и дело вытягивающие всякие реснички и ложноножки, которые они только на время подбирают, чтобы прикинуться добропорядочной абстракцией.

Абстракционизм и сюрреализм у Владимира Янкилевского оказываются различными уровнями одного и того же мира и часто различными слоями одного и того же произведения. В ряде его работ в абстрактной картинке зияет брешь, за которой открываются сюрреалистические ландшафты ночных кошмаров. Одна из таких работ попала и на выставку в «Сэме Бруке» — за коллажем из абстрактных рисунков притаился, как вытесненное подсознание стиля, сюрреалистический монстр.

Художнику Владимиру Янкилевскому все равно, абстракционист он или нет
ФОТО АЛЕКСАНДРА МИРИДОНОВА

«Абстракция — это скелет с нервами»

ВЛАДИМИР ЯНКИЛЕВСКИЙ ответил на вопросы „Ъ“.

— Вы действительно считаете себя абстракционистом или вы все же вписываете себя в какой-то другой раздел истории искусства?

— Моя работа всегда подразделялась на несколько уровней. И в самом глубинном уровне всегда лежала абстракция. Представьте себе человека, у которого есть скелет, нервная система, мышцы, кожа, пиджак, пальто... То, что я делаю, это такая одетая фигура, но ее всегда можно раздеть. Абстракция — это скелет работы. Но скелет с нервами.

— А к какой линии абстракционизма вы бы себя отнесли?

— Я себя не соотношу ни с одним известным видом абстракции. Это мой персональный, личный язык, он родился из понимания того, что для меня элементы языка не являются символами. Важны не сами элементы языка, а то, что между ними происходит, это и есть

жизнь произведения. В этом смысле мне все равно — делать вещи абстрактные или фигуративные.

— Самые опознаваемые ваши произведения — монументальные полотна, полиптихи — на выставке в «Сэме Бруке» не представлены. Они не вписываются в рамки «абстракции» или они просто не помещаются в этой галерее?

— Я начинал с монументальных вещей. В Манеже я показал шестиметровую вещь «Атомная станция», которую я сделал еще в 1962 году. Сейчас она находится в «Людвиг-музее» в Кельне. Я делал ее в маленькой комнате, где на стену помещалась только одна часть этого пентаптиха. Я собирал их в голове мысленно и первый раз увидел ее целиком в Манеже. Я был так счастлив, когда впервые увидел свое произведение целиком, что все остальное отошло на второй план. Пришел Хрущев, чего-то орал, а я просто смотрел на свою работу.

207